Оригинальная статья / Original article
УДК 37.013.46

Цифровизация: между технологическими компетенциями и технократизмом

© А.А. Гофман, А.С. Тимощук
Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний», г. Владимир, Россия

Аннотация: Статья посвящена исследованию вопроса о месте цифрового образования в системе профессиональной подготовки. Рассматриваются вызовы времени по отношению к образованию, система технологических навыков на примере IT-школы Kiber-one, изучаются цифровые тенденции в современном российском образовании. Актуальность темы обусловлена, прежде всего, практическими требованиями к этическому облику медиократии и сетевой рациональности. Теоретический аспект заключается в разработке направлений цифрового образования и содержания медиаграмотности. От педагогов требуется быстрое включение и освоение дигитальных коммуникаций, разных информационных агентов и каналов. В контексте растущего значения цифровой техники и СМИ приобретает особую значимость критическая рациональность для того, чтобы противостоять симулятивному воздействию виртуальной среды. Потенциальный характер бытия информационной среды бросает вызов традиционной онтологии и экономике. Образование 4.0, негоциируя новейшие экономические тренды, артикулирует новые тренды: автоматизация и большие данные, шеринговая модель жизни и FinTech. Трансформация образовательной среды сопровождается виртуализацией экономики, перегревом рынка капиталов, снижением инвестиционной эффективности. Разнородность трендов составляет отдельную сложность для информационного общества. Успех цифровизации образования не может быть достигнут вне открытого общества, без развития демократии и повышения уровня образования. В мире нарастающей сложности традиционные нарративы – сакральные тексты, уже не обеспечивают легитимацию и универсализацию социальных ценностей. Глобализированное общество разобщено в своих генераторах смысла. Для поддержания его устойчивости нужны новые технократические мифы: либерализм, цифровизация, роботизация.

Ключевые слова: язык медиа, рейтинги, сетевая модель поиска, ИКТ, Интернет вещей, ИИ, инновации, образование 4.0

Информация о статье: Дата поступления 21 декабря 2019 г.; дата принятия к печати 25 января 2020 г.; дата онлайн-размещения 30 марта 2020 г.

Для цитирования: Гофман А.А., Тимощук А.С. Цифровизация: между технологическими компетенциями и технократизмом // *Социальная компетентность.* 2020. Т. 5. № 1. С. 54–64.

Digitalization: between technological competencies and technocratism

© Alexander A. Gofman, Aleksey S. Timoshchuk
FSEI of Higher Education "Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia", Vladimir, Russia

Abstract: The article is devoted to the research of the place of digital education in professional training system. It considers the challenges of time in relation to education, system of technological skills as exemplified by Kiber-one IT school and examines the digital trends in modern Russian education. The relevance of the topic is attributable, first of all, to practical requirements for mediaocracy and network rationality ethical expectations. Theoretical aspect is to develop directions for digital education and media literacy content. Teachers should move quickly in including and mastering digital communications, various information agents and channels. In the context of the growing importance of digital technology and media, critical rationality becomes particularly important in order to counteract the simulated impact of the virtual environment. The potential nature of the information environment challenges the traditional ontology and economics. Pioneering the latest economic trends, Education 4.0 enunciates new trends: automation and big data, the sharing model of life and FinTech. Transformation of educational environment is accompanied by virtualization of economy, overheating of capital market, reduction of investment efficiency. The diversity of trends is a separate challenge for the information society. The success of digitalization of education cannot be achieved outside the open society without development of democracy and improvement of education level. In the world of growing complexity, traditional narratives, sacred texts, no longer provide legitimacy and universalization of social values. Globalized society is fragmented in its generators of meaning. To maintain its sustainability, new technocratic myths are needed: liberalism, digitalization, robotization.

Keywords: media language, ratings, network search model, ICT, Internet of things, AI, innovations, education 4.0

Article info: Received December 21, 2019; accepted for publication January 25, 2020; available online March 30, 2020.

For citation: Gofman A.A., Timoshchuk A.S. (2020) Digitalization: between technological competencies and technocratism. *Sotsial'naya kompetentnost'* = Social Competence. Vol. 5. No. 1. P. 54–64. (In Russ.)

Введение

Цифровизация – это не только актуальный тренд в экономике, но и в образовании. Всё больше учебных заведений стремятся включить компьютерные технологии в образовательный процесс, в связи с чем возникают специфические вопросы в области информационного права (Тимощук, 2019. С. 50). Цифровое образование – это, во-первых, компетенция в эксплуатации современных дигитальных устройств, но также и обучение с использованием цифровых средств массовой информации (цифровое образование как инструмент). Целевой аспект цифрового образования тесно связан со всеобъемлющей концепцией медиаграмотности, поиска информации, оценкой и производством собственного контента на цифровых носителях. Цифровизация даёт гибкое, независимое от времени и места обучение; более широкие возможности для взаимодействия между учителями и учениками, а также между учениками (совместное обучение); осуществляет адаптацию контента цифрового медиа к характерным потребностям ученика; быстрая обратная связь и целевая индивидуальная поддержка с помощью цифровых форм обучения и стратегий для совместного использования.

Методы

Использованы факторный, дискурсивный виды анализов в качестве общенаучных методов. Общелогические методы: обобщение, ограничение, абстрагирование, конкретизация.

Результаты

Использование дополненной и виртуальной реальности может существенно изменить образование в учебной организации. Дополненная реальность (ДР) – это компьютерное представление, расширяющее мир виртуальными аспектами. В настоящее время ДР в основном используется с помощью смартфонов: дополнительная информация или объекты отображаются на через камеру устройства. Это варьируется от простых текстовых наложений до видео и звуковых выходов на анимированный 2D или 3D контент. Чтобы использовать ДР, пользователи должны загрузить программное приложение. Существует множество приложений для ДР – от информации для ориентации в городах до обнаружения планет и спутников в небе. Технология используется во многих музеях.

В отличие от дополненной реальности, компьютерная графика создаёт собственный мир для интенсивного погружения пользователей. Так, для полного включения в игру потребуются виртуальные очки / наголовный дисплей и высокопроизводительный компьютер или современная игровая консоль. В виртуальной реальности пользователь обычно может взаимодействовать со своим окружением, например, посредством движений головы и рук, фиксируемых гироскопическим или инфракрасным датчиком. Существует также смешанная реальность (СР), комбинация ДР и ВР, в которой границы между физическим и цифровым миром продолжают стираться. Индустрия сейчас работает над Holodeck, известным по научно-фантастической медиафраншизе «Star Trek». Это комната, которая полностью состоит из цифровой иллюзии. Обучение в комнате-голограмме может осуществляться по программам правоохранительной, военно-прикладной, спасательной деятельности. Виртуальные миры давно используются при обучении пилотов. С помощью ВР можно уже сейчас реализовать интересные сценарии: посетить Новгородское вече или выполнить тренировочный бой с вир-

туальным противником (Малышко, 2010. С. 102).

Вероятно, в будущем новые технологии смогут приближено к реальному опыту передавать содержание обучения и станут к нему дополнением. Однако до сих пор ни система виртуальной реальности, ни искусственный интеллект не могли классифицировать контент или отвечать на запросы, как это делают настоящие учителя. Несмотря на то, что среда сегодня в значительной степени оцифрована, следует предостеречь от технологической погони за новыми аппаратными и программными решениями. Цифровые средства должны обеспечить образовательную и дидактическую стороны, но не становится ещё одним средством его коммерциализации.

Фокус на «живом опыте», акцент на конкретном, вопросно-ответные ситуации – таковы вечные грани педагогики как феноменологии. Структура жизненного мира обучающегося, сколько бы технологий мы не использовали, определятся напряжением в поле «личность» и «задача», «ситуация», «успех» (Тимощук, 2018. С. 29–32).

Школа Интернет бизнеса – следующее направление цифрового образования. Как зарабатывать на просмотрах и рефералах, загружать видео на хостинги, пользоваться облачными технологиями, бронировать гостиницу и заказывать еду – цифровые платформы заняли естественную нишу в повседневной жизни. Возможности и риски работы Интернет платформ необходимо обсуждать, готовить как быть пользователем и исполнителем.

Платформа «Google Classroom» стала частью мирового коворкинга. На ней мы можем совместно формулировать задачи и распределять их, работать над ними и формировать единый текст. Коллегиальная деятельность в цифровой среде может быть полезна стартапам и образовательным организациям, врачам и менеджерам.

Медиаграмотность – цифровое образование в области СММ, блогов, новостного контента. Функциональная грамотность в XXI веке включает знание об источниках информации, понимание различия частных и государственных каналов, критическую оценку природы средств массовой информации и их способов создания, смыслов и конструирования реальности. Медиаграмотность также направлена на то, чтобы предоставить обучающимся возможность самим научиться создавать медиапродукты: электронную рассылку, группу в социальных сетях, монтировать клипы, разрабатывать новостной повод, узнать, как работает медиамаркетинг.

При правильном использовании средства массовой информации могут развлекать и информировать позитивным образом. Однако, поскольку большинство людей не обучены вдумчивому использованию средств массовой информации, СМИ способствуют таким социальным проблемам, как агрессия, депрессия, злоупотребление алкоголем, пищевая наркомания и т. п. Просмотр и визуальная культура являются частью актуального общественного сознания, понимания того, как люди собирают и делятся информацией. Цивилизация образа уже создана, но нет систематического обучения, как строить смысл из непечатных текстов. Курс медийной грамотности учит студентов применять критическое мышление к сообщениям в СМИ и использовать средства массовой информации для создания своих собственных информационных потоков. Это один из ключевых навыков XXI века. Fake News будоражат общественное сознание, а социальные боты притворяются настоящими пользователями социальных сетей. В цифровом потоке информации становится все сложнее фильтровать

сообщения и распознавать их значение и правдоподобие. Поэтому критическое восприятие информации стало одной из важнейших медиакомпетенций (Тимощук, 2018. С. 409–421).

Медиапедагогика учит оценивать достоверность Интернет источников. Разработан рабочий лист «Klicksafe» по оценке ресурса, который составляет рейтинг его надёжности по статистике использования поддельных новостей. Чем выше рейтинг, тем более надёжен клик. Для того чтобы современные обучающиеся могли отличить настоящие информационные ресурсы от поддельных, можно использовать хрестоматии ложных новостей, а отбор достоверности строить на методике «Fakefilter», выбраковке ложных новостей на основании оценки текста, его оригинальности, нагруженности пропагандой.

Помимо порталов, публикующих поддельные новости, созданы социальные боты, которые могут распространять ложные новости через Twitter и Facebook и влиять на политические настроения и поведение избирателей. Роботы автоматически делают публикации в социальных сетях, ставят лайки и комментируют. Значительная доля всех твитов в президентской кампании в США были написаны социальными ботами. Их программирование является относительно простым – необходимое программное обеспечение доступно онлайн. Для непрофессионала программу зачастую трудно отличить от живого пользователя. Как правило, у него практически нет последователей или друзей, нет фотографии или биографии. Профиль создан недавно, но пользователь уже опубликовал очень большое количество твитов или сообщений с похожим содержанием.

Распространение медиакомпетенции также включает в себя правильное самопозиционирование в медийном мире, чтобы поисковые системы не собирали обо мне важные личные данные. Медиаграмотность даёт ответы на вопросы о цифровых следах, пассивных и активных, которые мы оставляем. Цифровая репутация, цифровая тень – всё это иллюстрация темы защиты данных, приватности, сетевой идентичности и способах анонимности в сети.

Эффективное противодействие цифровому хулиганству – ещё один аспект цифрового образования и сетевого поведения. Наряду со многими благами, которые даёт Интернет, у него есть и «тёмная» сторона, связанная с трансляцией негативной информации, недоброжелательной коммуникацией. Начиная с подросткового возраста, необходимо учить защите личной информации, способам противодействия сетевой агрессии. Выделяют несколько способов негативной самореализации в Интернете: оскорбление (flaming), домогательство (harassment), распространение слухов (denigration), публикация компромата, анонимные атаки, разглашение личной информации (outing), исключение из социальных сетей и мессенджеров (exclusion), преследование в разных сообществах (cyberstalking), угрозы физической расправы (cyberthreats), доведение до самоубийства в сообществах смерти (Сапожникова, Ленец, 2018. С. 39–50).

Сегодня уже востребованы тренинги по безопасному Интернету, т. к. число травмированных и доведённых до самоубийств людей растёт, а помочь в противодействии в виртуальной травле, зачастую, не квалифицированы ни близкие, ни учителя.

Идолы онлайн – это цифровое образование в области социальных сетей. Лидеры мнений социальных сетей становятся неожиданными образцами подражания для детей и подростков. Для родителей эти новые кумиры в сети представляют собой соперника в во-

просах воспитания. Какие темы влияют на ребёнка? Как правильно сопровождать его в отношениях со звездами социальных сетей – это цифровое образование о том, как научиться формировать своё мнение, а не копировать звезд YouTube, которые зарабатывают деньги на самопрезентации.

Гейминг в образовании. Цифровые образовательные программы могут проходить в режиме игры в области социологии, политологии, права, гражданской обороны, управления автомобилем и т. п. Предложим несколько направлений для образовательных игр, которые моделируют ситуацию: международное право, таможенное право, продовольственная безопасность, социальная политика, избирательная система.

Игроки должны принимать ответственные решения в кризисных ситуациях. Иногда они ставят себя в воображаемую жизненную ситуацию и принимают решения, которые навсегда меняют их жизнь. Симуляторы требуют не только знаний, но и внимания к меняющейся социальной реальности, понимания механизмов принятия политических решений.

Обсуждение

Кастомизация – это индивидуализация услуг и товаров с целью достичь максимального удовлетворения конечным покупателем (customer). Потребитель становится центром позиционирования товара. Валоризация – это меры по оценке товаров и услуг. В экономике это не только счёт, но и предполагаемое повышение капитализации инвестиций, рост потребительской стоимости товара. Образование, как товар, растёт в цене, становясь эффективной стороной личного капитала. Чтобы сотрудник создавал более высокую стоимость товара и услуги, эксперт должен сам обладать большей прибавочной стоимостью, которую как раз создаёт личностный рост, образование, финансовая грамотность, стрессоустойчивость и иные компетенции в виде hard skills и soft skills (Ляпанов Тимощук, 2009. С. 72–77).

Этот тренд сталкивается с классической стратегией контроля личности через образование, который до революции реализовывался как задача патриотического и религиозного воспитания, а в советской педагогике – подготовка участника трудовых отношений в социалистическом обществе. Ещё одно противоречие, на которое наталкивается кастомизация и валоризация, как клиент ориентированной стратегии – это институализация, или превращение отношений в самодовлеющую формальную структуру. Образовательные организации для своей конкурентоспособности обязаны принимать участие в рейтингах, конкурсах, проектах. Их реализация пронизывает сегодня всю систему образования – от детского сада до вуза. Институциональные потребности порой подавляют собственно образовательную деятельность, и они противоречат кастомизации и валоризации потребителя.

Институциональные потребности связаны с амбициозными международными целями, которые Россия ставит перед собой. Для повышения конкурентоспособности российских университетов (проект 5 – 100), закреплению в глобальных рейтингах, необходимо увеличить количество статей, индексируемых в WoS и Scopus. В некоторых вузах педагоги должны повысить публикационную активность на тех же ресурсах, в иных образовательных организациях, вузах ввели эффективный контракт, оплачивают высокорейтинговые статьи.

В целом, педагоги воспринимают новые веяния критично: «Пахать, чтобы потом пахать ещё больше», «Поддержим западные коммерческие наукометрические системы», «Морковка, ко-

торой мы никогда не достигнем», «Студенты мешают образованию». Руководство вузов, естественно, игнорирует эту резистентную риторику и выдвигает совершенно иные лозунги «Не живите прошлыми достижениями. Повышайте производительность труда каждый год на 20 %». Разрыв между институциональными потребностями и непосредственными запросами заказчика не способствует созданию благоприятной образовательной среды.

Изначально образование было элитарным продуктом, доступным лишь имущим классам. Первые образовательные организации в России создавались РПЦ для воспроизводства церковных и государственных служащих. В связи с модернизацией экономики появилась потребность в технических кадрах и Пётр I основывал математическую, адмиралтейскую, артиллерийскую, инженерную, горную школы для изучения прикладных дисциплин. Набор обучающихся вначале осуществлялся из высших классов дворян и приказных людей, т. е. служилых неродовитых чинов. Затем к детям низших административных чинов (стрелецкие и казацкие сотники, подьячие, дьяки) последовательно добавились отпрыски купцов, разночинцев, мещан.

К началу XX века уже остро стояла проблема доступности и всеобщности образования в грядущем технократическом обществе. Этот вопрос смогло решить советское государство. РСДРП, если отвлекаться от идеологии, выступал в этом смысле агентом модернизации российского общества. Используя военную риторику (Наркомпрос, ликбез, ликпункт, рабфак, комсомольская путёвка, культпоход), Ленин и соратники ставили цель не только подготовить кадры для промышленности, но и воздействовать на массовое сознание, ибо неграмотный человек не может быть субъектом политики.

Образование стало по-настоящему народным, т. к. государством финансировалось всеобщее образование, стипендии, общежития. Профессия учителя стала массовой, на печатную продукцию тратились валютные резервы республики, привлекались представители творческой интеллигенции: художники-иллюстраторы, поэты и писатели. Прорывное десятилетие после революции дало трёхэтапное, десятилетнее, многопрофильное, профессиональное, массовое образование, основа которого не меняется до сих пор. Во всех регионах стало возможно получить политехническое, сельскохозяйственное, педагогическое, медицинское, юридическое, экономическое, художественное, военное образование.

Современный этап образовательной политики соответствует сложному неклассическому формированию российского общества, с его дифференциацией уровней жизни, усложнению и переплетению социальных различий, становлению многоуровневой идентичности.

В социально-экономических дисциплинах предложено несколько характеристик современного состояния общества: постиндустриальное (Д. Белл), информационное (Ф. Махлуп, Ё. Масуда), массовое (Х. Ортега-и-Гасет), инновационное (А. Турен), технократическое (Л. Мэмфорд), децентрированное (Ж. Делез), становящееся общество (В.А. Кутырёв). Демаркация классики, неклассики и постклассики была проведена в области философии науки (В.С. Стёпин), искусства (В.В. Бычков, Н.Б. Маньковская).

Образовательная среда, как субъект неклассического общества, испытывает на себе влияние факторов неоднородности, неопределённости, плюрализма, деонтологизации, рискогенности, глобализации, полицентричности, турбулентности, многовекторности. Классические императивы центра,

управляемости, контроля, общественного прогресса конкурируют с неклассической сетевой коммуникативной рациональностью, синергией, полисубъектностью и личностным ростом.

Мы имеем дело с самым большим социумом за известную нам историю. Массовость – первая и наиважнейшая характеристика общества нового типа. Демография определяет переход не только от аграрного общества к индустриальному и от индустриального к постиндустриальному; она выступает фактором массовизации образования, что составляет его силу и слабость одновременно. Перепроизводство товаров и услуг, вызов экономики труда постиндустриального общества, делает даже элитарное товаром широкого потребления. Пифагорейскую школу, Платоновскую академию, Аристотелевский ликей сменили обезличенные рынки образовательных услуг.

Одним из неоднозначных результатов массовизации образования становится избыток даровитых, талантливых специалистов на рынке труда (Даренский, 2015. С. 6–15, Дмитриева, 2008. С. 48–55, Коваленко, Оберемко, 2009. С. 51–56, Латова, Латов, 2014. С. 131–151), что становится возможным не только из-за беспрецедентного объёма HR, но благодаря глобализации рынка труда, повышению соревновательности, открытости знаний. Отныне деловая информация не является принадлежностью цеха, как это было в средние века. Французские энциклопедисты начали процесс диссеминации знаний. Процессы обучения, совершенствования, личностного роста сегодня доступны как никогда ранее.

В командных играх есть эффект «too-much-talent», когда переизбыток гениев влияет на результативность (Swaab, 2014. P. 1581–1591). Критичным становится не то, сколько талантливых людей в популяции, а насколько эффективно используются все ресурсы через стратегии планирования, экономии и синергии. Поэтому такое значение приобретают такие разнообразные социальные навыки, а не только когнитивный показатель IQ (Intelligence Quotient), который отражает, как мы овладеваем знаниями, способны к наблюдению, запоминанию, анализу, решению задач. Потенциал личности раскрывается в многообразии видов интеллекта. Первая группа гибких навыков связана со взаимодействием с коллективами.

EQ (Emotional Intelligence Quotient) – эмоциональный интеллект, куда включают эмпатию, гибкость, самоконтроль, независимость, способность работать в команде, оптимизм (Дрогобыцкий, 2007. С. 111–113).

TQ (Tecnological Intelligence Quotient) – знание современного программного обеспечения и устройства ЭВМ, владение информационными технологиями, медиаграмотность, знание об источниках информации и целевой аудитории, критическое мышление, навыки безопасности, знание сетевого этикета, навыки сетевого поиска, основы программирования.

MQ (Moral Intelligence Quotient) – нравственные качества, такие как уважение, честность, ответственность, терпение, решимость, справедливость и др.

SQ (Spiritual Intelligence Quotient) – духовные добродетели: вера, смирение, прощение, признание своих ошибок, доброта, отзывчивость, забота, чистосердечие, искренность, внутренняя гармония, просветление, осознанность, вдохновение, интуиция, визуализация.

CQ (Culture Intelligence Quotient) – коммуникабельность, открытость, готовность к диалогу, патриотизм и космополитизм, толерантность, дипломатичность, способность понимать и адаптироваться к незнакомой культурной

среде, плюрализм, социальная мобильность, инклузия, аккультурация, инкультурация, ассимиляция, интеграция, сохранение идентичности.

Ряд soft skills помогают нам решать трудные задачи в жизни, не сдаваться.

AQ (Adversity Intelligence Quotient) – стрессоустойчивость, способность действовать в неблагоприятных условиях, умение «держать удар», преодоление трудностей судьбы, сохранение оптимизма в непростой ситуации, умение находить выход из тупика.

DQ (Daring Intelligence Quotient) – мужество, дерзновенность, отвага, риск.

Есть модусы личности, которые отвечают за практический разум или фроэнезис, как говорил Аристотель.

PQ (Practical Intelligence Quotient) – здравый смысл, логика ситуаций, практическая мудрость, рациональное поведение.

FQ (Financial Intelligence Quotient) – финансовая грамотность, знание о налогообложении, применение бухгалтерии, способность инвестировать, менеджмент ресурсов, бюджетное планирование, улучшение благосостояния, владение финансовыми инструментами, снижение рисков.

Ряд личностных компетенций связаны со здоровым образом жизни, персональной валеологии, основам безопасности жизнедеятельности, работоспособностью.

HQ (Health Intelligence Quotient) – совокупность знаний о поддержании здоровья, а также благополучие, счастье, долголетие.

WQ (WQ (Will Intelligence Quotient) – волевой компонент личности; мотивация, саморегуляция, управление эмоциями, терпение боли.

MQ (Mental Intelligence Quotient) – душевное здоровье, самоактуализация, полноценность, позитивное психическое состояние, психопрофилактика.

SQ (Sexual Intelligence Quotient) – жизненная сила, харизматичность, привлекательность, креативность, фертильность, успех, лидерство.

Темы избыточности политической элиты является одной из центральных тем Махабхараты. Пётр Турчин пишет о профиците национальных элит как движущей силе революции в Петрограде, имевшей место 100 лет назад и детерминанте клиодинамики в целом. Революции, бунты, падение цивилизаций предсказуемы, они рассчитываются математически по 50–200-летним циклам, основанным на перепроизводстве элит (Turchin, 2018, 2005). Эта модель хорошо накладывается на объяснение неустойчивости украинского общества, где в результате перепроизводства и невозможности занять элиту в обществе, активизировалась конкуренция внутри этого класса.

Кастомизация – это одно из решений для преодоления кризиса перепроизводства. Есть достаточно причин считать, что мы достигли технологических пределов в развитии нашей индустриальной и постиндустриальной экономики и будущее Земли зависит о выработки нового экологического консенсуса. Причём не только в природопользовании, но и в экологии духа, в таких вопросах как биоэтика, права животных, самоограничение в развитии технологий. Следующим этапом после пост-индустриального общества является умное общество. Smart society – это бережливость, экология, учёт, знание, образование, мудрость жизни. Выживание мира – это повышение эффективности производства и самоограничение в потреблении при пристальном внимании к экологическим вопросам. Демографическая политика умного общества – поддержание баланса народонаселения. Концепция роста ВВП будет пересмотрена в пользу устойчиво-

сти показателей. Образовательная стратегия smart society основана на кастомизации и валоризации.

Глобализация приводит также к умножению контекстных отношений, ценностно-смысловому расслоению, что не поддаётся оценочным критериям плохо/хорошо. Очевидно, что мы имеем дело с Другим, неклассическим состоянием общества, где инаковость приобретает особую ценность, ибо является фактором множественности. Так, в науке наибольшую эффективность доказали небольшие сообщества, способные быстро фиксировать изменения исследуемого объекта. Формальные косные структуры, пригодные для институциональных целей, не всегда могут быть в форварде исследований. Данное наблюдение подтвердилось ещё раз на примере нанотехнологий, где основные достижения были реализованы в малых исследовательских группах.

Наука представляет собой наиболее характерный срез общественных отношений. На её примере можно прогнозировать состояние социума в целом. Работы Т. Куна, К. Р. Поппера, Ж. Дерриды заставили усомниться в том, что наука представляет собой универсальный, объективный, кумулятивный, линейно-прогрессивный способ познания, в противоположность познанию в традиционной культуре – локальной, субъективной, дискретной и замкнутой. Исследование проблемы преемственности в науке привело к восприятию традиции как адаптивно-эволюционного устройства. Место между означающим (имя) и означаемым (смысл) не пусто, оно насыщено неосознаваемыми установками, усвоенными из традиционных культурных практик. Традиция, таким образом, является гносеологическим резонатором, тип мироотношения задает границы мировоззрения и познания. Матрица сознания работает как мембрана, настроенная на пропуск сигналов определенной частоты и длины. Детерминанты культуры составляют сетку сознания, сквозь которую просеивается информационный поток. Благодаря специальным «аттракторам» из этого потока происходит выборка смысловых контекстов и ее маршрутизация по информационным, ценностным и смысловым каналам.

Ж.Ф. Лиотар объяснял специфику нашего времени ревизией макронарративов, которые после Освенцима утратили свою функцию обосновывать господство существующего политического строя. Отныне социальные кластеры стремятся сохранять свою целостность через микронаррации. Суть микронарраций всё та же – это социальная мифология, легитимизирующая различные системные общественные скрепы. В дополнение к традиционной, харизматической и рациональной легитимности пришёл особый вид коммуникативной легитимности, соединяющей в себе черты конвенционализма и коммуникативного действия (Ю. Хабермас) (Кусраев, 2002. С. 138).

При всей разобщённости мировых социокультурных контекстов они все нуждаются друг в друге, поэтому конвергенция/дивергенция контекстов являются диалектической парой: мировой контекст как целое с необходимостью удовлетворяет потребности всех индивидуализированных малых групп.

Выводы. Реализация комплексной программы цифрового образования решает важные социальные вопросы в области общественной безопасности, здравоохранения, устойчивого развития. Цифровой пакет образования – это стратегия подготовки молодых людей к жизни в медиапространстве. Чтобы быть эффективными в новом веке, люди должны демонстрировать ряд функциональных и критических навыков

мышления, связанных с информацией, СМИ и технологиями. Эпоха медиа требует новых навыков доступа, анализа, оценки, создания и распространения сообщений в цифровом, глобальном и демократическом обществе. Таким образом, цифровое образование имеет существенное значение для общественного благосостояния.

Библиографический список

Даренский В.Ю. Социальная избыточность высшего образования: ресурс развития или фактор деструктивности? // Гуманитарный вектор. 2015. № 1 (41). С. 6–15.
Дмитриева Н.В. Рыночный механизм взаимодействия рынка образовательных услуг вузов и рынка труда // Сервис в России и за рубежом. 2008. № 2 (7). С. 48–55.
Дрогобыцкий А.И. Эмоциональный интеллект современного менеджера // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. 2007. Т. 7. № 2. С. 111–113.
Коваленко С.А., Оберемко О.А. Либерализация высшего образования: промежуточные итоги // Высшее образование сегодня. 2009. № 4. С. 51–56.
Кусраев Б.Н. Коммуникативная рациональность Ю. Хабермаса. Москва: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2002. 138 с.
Ляпанов А.В., Тимощук А.С. Модернизация системы образования и рынок труда // Российское общество и государство: актуальные проблемы на современном этапе. Владимир: Владимирский юридический институт, 2009. С. 72–77.
Латова Н.В., Латов Ю.В. Структурно-профессиональные диспропорции в современной России // Terra Economicus. 2014. Т. 12. № 3. С. 131–151.
Малышко А.А. Виртуальная реальность и образование. Мурманск: МГТУ, 2010. 102 с.
Сапожникова А.А., Ленец А.В. Кибербуллинг как форма провокативного речевого поведения в сети интернет // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2018. № 51. С. 39–50.
Тимощук А.С. Медиакомпетентность в образовательной среде // Педагогическая деятельность как творческий процесс: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный педагогический университет», г. Грозный, 17 октября 2018 г. Махачкала: АЛЕФ, 2018. С. 409–421.
Тимощук А.С. Медиакомпетентность: свобода подключения и отключения // Социальная компетентность. 2019. Т. 4. № 1 (10). С. 50–58.
Тимощук Е.А. Феноменологический подход в контексте современных образовательных тенденций // Alma mater (Вестник высшей школы). 2018. № 3. С. 29–32.
Swaab R. The Too-Much-Talent Effect: Team Interdependence Determines When More Talent Is Too Much or Not Enough / Roderick I. Swaab, Michael Schaerer, Eric M. Anicich, Richard Ronay, Adam D. Galinsky. Psychological Science. 2014. Vol. 25, iss. 8. P. 1581–1591.
Turchin P. Historical Dynamics: Why States Rise and Fall. Princeton: Princeton University Press, 2018. 264 p.
Turchin P. War and Peace and War: The Life Cycles of Imperial Nations. Minneapolis: Pi Press, 2005. 416 p.

References

Darenskii V.Yu. (2015) Social redundancy of higher education: a resource for development or a factor of destructiveness?. *Gumanitarnyi vektor* = Humanitarian Vector. No. 1 (41). P. 6–15. (In Russ.)
Dmitrieva N.V. (2008) Market mechanism of interaction between the market of educational services of higher education institutes and labor market. *Servis v Rossii i za rubezhom* = Services in Russia and Abroad. No. 2 (7). P. 48–55. (In Russ.)
Drogobytskii A.I. (2007) Emotional intelligence of a modern manager. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Sotsial'no-ekonomicheskie nauki* = Vestnik NSU. Series: Social and economics sciences. Vol. 7. No. 2. P. 111–113. (In Russ.)
Kovalenko S.A., Oberemko O.A. (2009) Higher education liberalization: intermediate results. *Vysshee obrazovanie segodnya* = Higher Education Today. No. 4. P. 51–56. (In Russ.)
Kusraev B.N. (2002) Habermas' communicative rationality. Moscow: Lomonosov Moscow State University. 138 p. (In Russ.)
Lyapanov A.V., Timoshchuk A.S. (2009) Modernization of education system and labor market. *Rossiiskoe obshchestvo i gosudarstvo: aktual'nye problemy na sovremennom etape* = Russian society and state: actual issues at the current stage. Vladimir: Vladimirskii yuridicheskii institut. P. 72–77. (In Russ.)
Latova N.V., Latov Yu.V. (2014) Structural-professional disproportions in modern Russia. Terra Economicus. Vol. 12. No. 3. P. 131–151. (In Russ.)
Malyshko A.A. (2010) Virtual reality and education. Murmansk: MGTU. 102 p. (In Russ.)
Sapozhnikova A.A., Lenets A.V. (2018) Cyberbullying as a form of provocative language behavior on the Internet. *Mir lingvistiki i kommunikatsii: elektronnyi nauchnyi zhurnal* = World of Linguistics and Communication: electronic scientific journal . No. 51. P. 39–50. (In Russ.)
Timoshchuk A.S. (2018) Media competence in the educational environment. *Pedagogicheskaya deyatel'nost' kak tvorcheskii protsess: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, FGBOU VO «Chechenskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet», g. Groznyi, 17 oktyabrya 2018 g.*= Pedagogical activity as a creative process: proceedings of All-Russian scientific-practical conference with international participation, FSBEI of Higher Education "Chechen State Pedagogical University", Grozny, October 17, 2018. Makhachkala: ALEF. P. 409–421. (In Russ.)
Timoshchuk A.S. (2019) Media competence: freedom to connect and disconnect. *Sotsial'naya kompetentnost '*=

Social Competence. Vol. 4. No. 1 (10). P. 50–58. (In Russ.)
Timoshchuk E.A. (2018) Phenomenological approach in the context of the modern educational tendencies. *Alma mater (Vestnik vysshey shkoly)* = Alma mater (Higher School Herald). No. 3. P. 29–32. (In Russ.)
Swaab R. The Too-Much-Talent Effect: Team Interdependence Determines When More Talent Is Too Much or Not Enough / Roderick I. Swaab, Michael Schaerer, Eric M. Anicich, Richard Ronay, Adam D. Galinsky. Psychological Science. 2014. Vol. 25. Iss. 8. P. 1581–1591.
Turchin P. Historical Dynamics: Why States Rise and Fall. Princeton: Princeton University Press, 2018. 264 p.
Turchin P. War and Peace and War: The Life Cycles of Imperial Nations. Minneapolis: Pi Press, 2005. 416 p.

Критерии авторства

Гофман А.А., Тимощук А.С. выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

Gofman A.A., Timoshchuk A.S. have conducted research, summarized the results, prepared the manuscript for publication, they own the copyright in this article and bear responsibility for its originality.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare no conflict of interest.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Сведения об авторах

Гофман Александр Анатольевич, доцент боевой и тактико-специальной подготовки, Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний», 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, д. 67Е, Россия,
e-mail: gofman@mail.ru

Тимощук Алексей Станиславович, доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний»,
600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, д. 67Е, Россия,
✉ e-mail: human@vui.vladinfo.ru

Information about the author

Alexander A. Gofman, Associate Professor of military and special training, FSEI of Higher Education "Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia", 67E Bol'shaya Nizhegorodskaya Street, Vladimir, 600020, Russia,
e-mail: gofman@mail.ru

Alexey S. Timoschuk, Dr. Sci. (Philosophy), Professor of Humanities and Socio-Economic Disciplines Department, FSEI of Higher Education "Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia", 67E Bol'shaya Nizhegorodskaya Street, Vladimir, 600020, Russia,
✉ e-mail: human@vui.vladinfo.ru